

— В последний раз спрашиваю: где вещи! — ледяным тоном произнес Е Цинцы.

Старая госпожа Цзи только собралась было вновь пуститься в хитроумные препирательства, как почувствовала, что дуло пистолета уперлось ей прямо в лоб. Поиграть в кошки-мышки больше не удастся.

— В... в заброшенной конуре рядом с родовой кумирней... — нехотя выдавила она.

Услышав это, Сун Вэньци разъярился до такой степени, что его глаза налились кровью. Когда он проходил мимо кумирни, то заметил ту самую конуру. Конурой это место можно было назвать лишь с натяжкой — скорее, свалка отходов, грязная и зловонная. Неужели она посмела бросить их там? Разве так поступают люди?

Сун Вэньци был готов вытрясти из старухи душу. Он с силой ударил рукояткой пистолета по её руке, пробив несколько кровавых дыр.

— Чтоб тебя, проклятая ты тварь... — прорычал он, пнул госпожу Цзи и выбежал из кумирни.

В заброшенной конуре скопилось столько мусора, что людям пришлось изрядно потрудиться, чтобы расчистить путь внутрь. Сун Вэньци ворвался первым. Спустя некоторое время под грудой ящиков обнаружили урну с прахом.

Е И вышел наружу, бережно неся её в руках:

— Глава, вещь найдена.

Сун Вэньци тут же подбежал к нему:

— Нашли? Где, где она?

— Здесь, — Е И протянул урну.

Руки Сун Вэньци, опущенные вдоль тела, мелко дрожали, когда он принимал находку. Е Цинцы сделал знак рукой, и Е И вместе с остальными людьми удалился. Вскоре в помещении остались только они двое.

Сун Вэньци опустил голову, длинные пряди волос закрывали его глаза. Он осторожно погладил поверхность урны. Назвать это урной было сложно — грубо сколоченный, жалкий деревянный ящик. Из-за дешевого материала и небрежной работы поверхность была вся в выбоинах и неровностях.

Собравшись с духом, Сун Вэньци открыл крышку. С горечью он обнаружил, что праха внутри совсем мало. Столько людей, а места занято едва ли на треть.

Взгляд упал на содержимое:

Старое кольцо.

Сердечный стент.

Наполовину обгоревший красный бант.

Синий глазной протез.

И серый, потертый детский замочек-оберег.

На замочке всё ещё был отчетливо виден иероглиф Желание. Это зрелище пронзило сердце Сун Вэньци острой болью.

В этот момент чья-то рука мягко похлопала его по дрожащей спине.

— Если больно, можешь поплакать, — нежно сказал Е Цинцы.

Сун Вэньци, не поднимая головы, покачал ею в ответ. Не дождавшись слов, Е Цинцы взял его за руку и повел на чистую лужайку неподалеку. Они сели и замолчали, просто находясь рядом.

Сун Вэньци молча закрыл ящик и бережно отставил его в сторону. Прислонившись головой к плечу Е Цинцы, он прошептал хриплым голосом:

— Девятый брат, скажи, как мама, такая чистоплотная женщина, могла знать, что после смерти окажется в таком грязном месте...

Этот бант принадлежал моей сестре. Знаешь, она с детства любила наряжаться, но не особо жаловала такие заколки, считала их слишком броскими. Но раз уж я подарил ей его, она носила его постоянно...

У отца были проблемы с сердцем, ему нельзя было волноваться. Но он так любил лыжи и прыжки с парашютом. Я говорил ему, что это опасно, что его сердце не выдержит... Кто бы мог подумать, что последним потрясением стану для него я...

Такие замочки-обереги были у нас троих, на каждом выгравировано имя. С младшим братом мы прожили меньше года, но он так ко мне тянулся, мы были очень близки...

А еще тот мальчишка по соседству...

Сун Вэньци продолжал рассказывать истории из прошлого. По его коротким фразам было ясно: пусть те времена длились недолго, но он был по-настоящему счастлив. К несчастью, это хрупкое счастье было жестоко растоптано кланом Цзи. И оправданием послужило то, что Цзи Ань называл любовью. Какая ирония.

Сун Вэньци не нужно было утешение, он просто хотел выговориться. Е Цинцы сидел рядом, терпеливо слушая. Прошло много времени, и когда слова иссякли, наступила долгая тишина. Е Цинцы уже подумал, что тот уснул, но Сун Вэньци вдруг спросил — то ли у него, то ли у самого себя:

— Почему всё так обернулось...

Е Цинцы беззвучно вздохнул, потрепал его по волосам и тихо ответил:

— Ты натерпелся.

Его голос, чистый и прохладный, как родниковая вода, коснулся слуха Сун Вэньци. Сдерживаемая годами обида наконец нашла выход. Сун Вэньци заплакал. Крупные слезы катились по его щекам.

Когда человек достигает предела отчаяния, он перестает рыдать в голос. Именно это сейчас происходило с Сун Вэньци. Е Цинцы продолжал мягко поглаживать его по спине, помогая успокоиться:

— Плачь, когда выплачешь всё, станет легче...

Жизнь порой слишком долгая, и в ней случается множество событий. Тяжелые переживания, копившиеся в душе, не становятся двигателем прогресса — чаще всего они превращаются в ту самую последнюю соломинку, ломающую хребет верблюду. Плач — это не слабость. Иногда, выплакавшись, становится легче идти дальше.

Время шло. Сун Вэньци устал плакать, и тяжесть на душе немного отступила. Он поднял голову, чтобы что-то сказать Е Цинцы, но, заметив мокрое пятно от слез на его одежде, напрочь забыл о своих словах. Его лицо вспыхнуло пунцовым цветом.

Сун Вэньци с красными глазами, красным носом и пылающими щеками подумал: Позор-то какой, надо же было так глупо выглядеть... Хорошо, что рядом никого нет, иначе он бы со стыда сгорел!

Если бы он знал, что Первый спецотряд, затаившийся неподалеку, видел всё от начала до конца, он бы окончательно рухнул.

— Выплакался? — Е Цинцы подтянул колено и, подперев щеку рукой, спросил: — И как ты собираешься расправиться с кланом Цзи?

Сун Вэньци, вмиг приняв вид важного босса, глубокомысленно изрек:

— Погода портится, пора клану Цзи обанкротиться!

— Пфф... — Е Цинцы не сдержался и рассмеялся.

И его трудно было винить. Сун Вэньци сейчас выглядел как красный рисовый колобок. Видеть, как этот колобок пытается казаться суровым главой мафии, было невероятно забавно.

Сун Вэньци посмотрел на него с обидой:

— Девятый брат, я что, такой смешной?

— Нет, совсем нет, — Е Цинцы хотел перестать смеяться, но, встретившись с этим обиженным взглядом, снова прыснул: — Ха-ха-ха!

Е Цинцы смеялся искренне и ярко, его прозрачные чайные глаза искрились, словно небесное божество, спустившееся в мир смертных. Сун Вэньци мгновенно забыл обо всем, очарованный этой неземной красотой. Он про себя подумал: Ничего страшного, ради того чтобы увидеть улыбку такого красавца, как Девятый брат, можно и потерпеть.

Е Цинцы отсмеялся и легко поднялся на ноги. Сун Вэньци встал следом, отряхивая траву с одежды:

— Ладно! А теперь пойдем разберемся с этой старой каргой...

Е Цинцы посмотрел на его глаза, распухшие, как грецкие орехи:

— Ты уверен, что хочешь показаться им в таком виде?

Сун Вэньци замер: «!!!!»

Точно! Он ведь так сильно плакал, глаза наверняка превратились в щелочки. Если он появится перед всеми сейчас, каждый поймет, что он только что ревел. А ведь он глава! У него тоже есть достоинство!

Лицо Сун Вэньци сморщилось. Ждать, пока отек спадет? Слишком долго. Лед? Так здесь его нет!

— Думаю, тебе это пригодится.

Е Цинцы достал из кармана пальто солнцезащитные очки и помахал ими перед лицом Сун Вэньци.

В кумирне клана Цзи двое мужчин вошли внутрь и увидели, что их люди окружили центр зала плотным кольцом. Все возбужденно галдели, призывая бить сильнее.

Е Цинцы тихо кашлянул. Сун Вэньци поправил очки на переносице и с недоумением спросил:

— Что вы тут устроили?

Люди расступились. Старая госпожа Цзи с трудом подняла голову. Её лицо превратилось в сине-фиолетовую маску, а глаза заплыли так, что она едва могла их открыть. Вокруг валялись обломки белых предметов, подозрительно напоминавшие выбитые зубы. Выглядела она крайне жалко.

Сун Вэньци рассмеялся:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Он даже не пытался скрыть веселье, хохоча во весь голос. Е Цинцы бросил взгляд на своих людей, которые тут же начали с интересом разглядывать потолок и пол, стараясь не смотреть на него.

«Это не мы, — читалось в их глазах. — Она сама себя до такого довела!»

<http://bllate.org/book/21458/2193844>